

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИИ В СССР В 1920-е гг.: УТОПИЯ ИЛИ ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ?¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В силу возникновения новых вызовов и угроз национальной безопасности обращение к изучению исторического опыта развития российской нации выступает сегодня необходимым условием социально-политической стабильности и относится к числу основных приоритетов государственной национальной политики. Цель исследования – проанализировать содержание, методы и инструментарий национальной политики советского государства в период 1920-х гг., выявить факторы трансформации и характерные особенности курса.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Пензенской области, а также анализа историографических источников по проблеме. Методологический потенциал включает: базисные принципы научного познания – историзм и объективность, герменевтику как метод интерпретации текста, историко-ситуационный метод, что предполагает оценку события и явления, исходя из реальной конкретно-исторической ситуации, что в известной степени абстрагирует исследователя от влияния научных стереотипов и методологических штампов. Применяется метод междисциплинарного синтеза, в частности использование концепции социального конструкционизма или теории конструирования социальной реальности.

Результаты. Исследована динамика трансформации национальной идентичности под воздействием последовательных усилий со стороны государства на примере Пензенской губернии. Выявлена специфика научных трактовок национальной политики в СССР в период 1920-х гг. Доказана эффективность применения теории конструирования социальной реальности для решения исследовательских задач. Рассмотрены основные направления и результаты национального строительства в Советской России и СССР.

Выводы. Анализ историографии рассматриваемой проблемы выявил необходимость обращения к локальной истории, к использованию материалов региональных архивов. В российской глубинке курс на формирование национальных волостей, на коренизацию управления последовательно осуществлялся на протяжении всех 1920-х гг. Объяснить сложившуюся ситуацию можно, в том числе, и прагматизмом местных властей в выработке конкретных механизмов и инструментов конструирования модели социально-политического взаимодействия.

Ключевые слова: нация, национальное строительство, СССР, Пензенская губерния, коренизация.

О. А. Sukhova

BUILDING OF THE NATION IN USSR IN 1920s: UTOPIA OR AND EFFICIENT MODEL OF SOCIAL ENGINEERING?

Abstract.

Background. By virtue of the emergence of new challenges and threats to the national security the address to the study of the historical experience of the Russian na-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

tion stands today as a prerequisite of social and political stability, and it is one of the main priorities of the state national policy. The aim is to study the content, methods and tools of the national policy of the Soviet state during 1920s, to identify the transformation factors and the characteristic features of the course.

Materials and methods. Realization of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archive of Penza region, as well as through the analysis of historiographical sources on the issue. The methodological potential included basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, hermeneutics as a method of interpreting a text, micro-historical approaches and methods of local history. The method of interdisciplinary synthesis, in particular, the concept of social constructionist theory and construction of social reality was used.

Results. The dynamics of the national identity transformation under the influence of serial efforts by the government by the example of the Penza province was investigated. The author identified the specificity of scientific interpretations of the national policy in USSR during the 1920s, proved the efficiency of application of the theory of social construction of reality to address the research problems, reviewed the main directions and results of nation-building in Soviet Russia and the Soviet Union.

Conclusions. After studying the historiography of the problem, the author has identified the need to address to the local history, the use of materials of the regional archives. In the Russian province the course on the ethnic townships formation, on the indigenization management was implemented successively throughout 1920s. The situation can be as well explained by the pragmatism of the local authorities in development of concrete tools and instruments for designing a model of social and political interaction.

Key words: nation, nation-building, USSR, Penza province, indigenization.

Современное толкование понятия «нация» охватывает процессы формирования всех важнейших параметров социокультурной динамики, а не только проблемы этногенеза. В частности, в отечественном общественном сознании весьма активно разрабатывается теория гражданской или политической нации [1, с. 94], под которой принято понимать сообщества людей, объединенных осознанием своей принадлежности к единому для всех государству, единства гражданских прав и ответственности за всю страну. Понятие «гражданская (политическая) нация» обычно ассоциируют с понятием «согражданство», а ее формирование рассматривают как переход от «этноса» к «демосу». Необходимость формирования самоидентификации российских граждан по принципу принадлежности к единой нации, общегражданского национального самосознания населения России, имеющего доминирующий характер по отношению к локальным этнокультурным различиям, указывает на научную новизну данной проблемы и придает ей огромное практическое значение.

Вместе с тем ориентация нациестроительства на полную доминанту гражданско-территориального аспекта над этническим чревата утратой представления об этническом единстве и может быть использована в целях насаждения любой искусственно созданной идеологической конструкции. Самым кричащим примером выступает процесс рождения независимых государств на постсоветском пространстве. Попытки формирования новой политической идентичности на основе отрицания общей этнической основы в Украине обернулись национальной трагедией и гражданской войной. Среди совре-

менных исследователей насаждение подобных идей именуется интегральным национализмом или неоязычеством [2].

При этом и те, и другие первооснову негативных тенденций ищут в практике решения национального вопроса в СССР (либо в контексте борьбы с шовинизмом, либо в политике коренизации 1920–1930-х гг. и ее частичной реинкарнации во второй половине XX в.). Сказанное выше формирует настоятельную необходимость в проведении исследований советской национальной политики с целью выявления опосредованных связей между опытом в деле конструирования нации и представлениями об этнической и политической принадлежности. Возможности ретроспективного анализа позволят расширить сферу прогноза и повысить эффективность проводимой политики, не создавая угрозы для воспроизводства этнической идентичности.

При изучении процесса формирования российской нации весьма продуктивным будет применение категорий «идентичность», «репрезентация» и «самопрезентация», читаемых в контексте конструкционистского подхода. Коллективная идентичность (национальная, имперская, региональная и пр.) не выступает изначально заданной, а формируется в результате взаимодействия множества социальных акторов (власти, элит, интеллигенции). В этом отношении особое значение приобретает изучение механизмов и инструментария конструирования структур идентичности.

Важно отметить, что в условиях распада российской империи и революционной трансформации общества утрата прежней социальной идентичности, крах целостности образа мира в сознании индивида станут основными мотивами по формированию стремления обратного свойства – стремления обрести утраченное. Сущность такого тяготения к самоконструированию в свое время выразил Ж.-П. Сартр: «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать... и после этого прорыва к существованию, он есть лишь то, что сам из себя делает... Человек – это, прежде всего, проект, который переживается субъективно...» [3, с. 320]. Это доказывает возможность формирования эффективной политики противодействия национализму и одновременно нациестроительства в гражданском (политическом) смысле.

Между тем в период «межблокового» противостояния в западной историографии сформировалась устойчивая объяснительная модель, характеризующая СССР как империю. В числе основных признаков имперской сущности, «похоронивших» в конечном счете Советский Союз, назывались множество заключенных в его границах народов, их неравноправное положение, дискриминация по национальному признаку, ограничение гражданских прав и свобод, подавление инакомыслия. Так, весьма критично оценивала эффективность советской национальной политики Э. Каррер д'Анкосс, опубликовавшая в 1978 г. работу об этнических проблемах в СССР – «Распадающаяся империя». Распад СССР воспринимался лишь как подтверждение прежних аргументов автора. Монография, увидевшая свет в 1993 г., вышла под громким названием «Триумф наций» [4].

В 2007 г. в России выходит еще одна работа Э. Каррер д'Анкосс, четко зафиксировавшая гибель и возрождение имперской формы правления, по меньшей мере дважды в российской истории после ее появления в 1552 г.

Небезынтересно будет отметить, что, по словам автора, после падения Кучума упрочение власти России продолжалось без перерыва, «несмотря на тяжелый внутренний кризис в Смутное время». И это единственная реплика Э. Каррера д'Анкосса, посвященная Смуте. После вторичного краха в 1992 г., как отмечает автор, Российская империя была восстановлена практически в прежней форме. Основным же фактором распада называется нежелание имперских властей пойти навстречу чаяниям наций [5, с. 133].

Подобное концептуальное видение проблемы изменилось самым кардинальным образом после выхода работы Терри Мартина [6]. Первым из исследователей, он указал на результативность активной упреждающей политики содействия национальному строительству, назвав Советский Союз первой в мире империей положительной деятельности. Главная идея автора заключается в определении курса национальной политики в СССР как позитивной дискриминации, выразившейся в предоставлении определенных преференций ранее притеснявшимся национальным меньшинствам. По мнению Мартина, замысел большевиков заключался в том, чтобы «...взять под свой контроль процесс деколонизации, которая казалась неизбежной, и осуществить ее так, чтобы сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи» [7, с. 1–11].

Их поддержка осуществлялась за счет державообразующей нации, поэтому в 1920-е гг. статус нерусского в СССР гарантировал определенные политические и социокультурные преимущества. Важно отметить и тот факт, что повторить советский опыт не удалось ни одному из современных многонациональных государств.

Парадокс советской национальной политики имел под собой прочную теоретическую основу: неизбежное слияние наций в коммунистическую эпоху могло осуществиться только через выравнивание цивилизационного развития всех этносов, входивших в СССР, что, объективно, соответствовало задачам модернизации в целом и демократизации общественных отношений в частности. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что руководство СССР, осознавая опасность политики лавирования между двух огней (унитарной сущностью государства и декларацией права наций на самоопределение), рассчитывало удержать политику позитивной дискриминации исключительно в инструментальных рамках, используя ее лишь как способ решения задач властно-политического регулирования¹. Поэтому вплоть до апреля 1923 г. национальная политика неоднократно обсуждалась на важнейших партийных форумах, после чего ее публичное обсуждение прекратилось. В 1930-х гг. происходит дальнейшая эволюция национальной политики. Новая концепция «дружба народов» была воздвигнута на прочном основании примордиальной этничности и русоцентризма [7, с. 22, 616–617]. Это проявилось, в частности, в институционализации наследуемой национальности: паспортная реформа 1932 г. оставляла возможность выбора национальности по желанию гражданина, в то время как в 1938 г. появилось постановление

¹ Впрочем, исследователи отмечают формирование двух противоборствующих тенденций в процессе нациестроительства уже во второй половине XIX в.: стремление к ликвидации окраинной обособленности, унификация управления империи (как следствие модернизационных процессов) блокировались сопротивлением национальных окраин.

НКВД о введении нового исключительного критерия – национальности родителей.

Конечным этапом трансляции общей стратегии национальной политики выступали не только республики, но и советские регионы: губернии (области), автономные области и республики – уезды (районы) – волости. Возможность анализа действий местной управленческой вертикали дают документы местных архивохранилищ. Попробуем проследить динамику трансформации национальной идентичности под воздействием социального конструирования со стороны государства на примере Пензенской губернии.

Первоначально важнейшим фактором постреволюционной гражданской либерализации рассматривалось активное партийное строительство. Общая логика решения пресловутого «национального вопроса» диктовала необходимость формирования национальных же структурных подразделений, ответственных за реализацию задач «коммунистического воспитания» в отношении национальных меньшинств.

Так, при Пензенском губкоме РКП(б) в первые же годы после прихода большевиков к власти была организована деятельность специального бюро «татарских коммунистов-большевиков» (Губернское бюро татарской организации РКП(б)), аналогичные подразделения появились и в уездах. В общей сложности удалось создать до 25 ячеек в сельской местности и два самостоятельных бюро в уездах: Краснослободском и Керенском [9, л. 54]. Так, в Краснослободском уезде Бюро мусульманских коммунистических организаций приступило к работе с 20 января 1919 г., объединив ячейки численностью до 198 коммунистов и 18 сочувствовавших. Всю организационную работу осуществляли освобожденные сотрудники в составе: секретаря, писца и двух агитаторов [10, л. 81 – 81 об.]. Начало формирования низовой сети первичных партийных организаций относится к осени 1918 г.: судя по анкетам членов РКП(б), их партийный стаж начинает свой отсчет с октября–декабря 1918 г., т.е. с момента образования ячеек. К началу 1919 г. в одной только Мочалейской волости Чембарского уезда было создано семь партийных ячеек, а общая численность «коммунистов-большевиков» достигла 156 человек [10, л. 1]. В Инсарском уезде к февралю 1919 г. действовали лишь две мусульманские ячейки общей численностью 11 коммунистов и 20 сочувствовавших (по другим данным, одна – Больше-Полянская – 13 человек при 10 сочувствовавших), и одна ячейка была распущена из-за коррупционного скандала. Вердикт укома был неутешительным: «Полагаем самостоятельно-мусульманской работы вести нет необходимости» [10, л. 134, 139]. Выразил сомнение в обоснованности формирования сети мусульманских ячеек и комитет РКП(б) Городищенского уезда ввиду того, что «мусульманских сел имеются три, в которых по-русски говорить могут все, также и читают...» [10, л. 146]. Ряд уездных комитетов и вовсе ограничивался формулировкой: «татарских коммунистических ячеек в введении... уезда не имеется» [10, л. 149–151].

Отсутствие каких бы то ни было источников финансирования вынуждало уездные мусульманские бюро обращаться напрямую в Центральное мусульманское бюро с просьбами о материальной поддержке. Так, из Краснослободска 26 мая 1919 г. в Москву была направлена телеграмма следующего содержания: «...денег нет нужно минимум семь тысяч рублей точка просим

эту сумму срочно выслать...» [9, л. 40]. Хотя, согласно циркулярному предписанию ЦК РКП(б) от 13 мая 1919 г., финансирование мусульманских организаций должно было производиться исключительно за счет местного бюджета [9, л. 38].

Таким образом, первые попытки формирования новой гражданской идентичности (на общей платформе строительства коммунистической утопии) закончились провалом. Современники отмечали: в Краснослободском уезде «первые инициаторы: организаторы-агитаторы, как бюро, так и в селениях Мусульманских Коммунистических ячеек, прибывших с Центра и с мест, из-за недоверчивого отношения местной Власти разъехались кто куда...». В итоге коммунисты уезда индифферентно отнеслись к проведению 20 % мобилизации коммунистов и провалили кампанию (отказались «идти добровольно на мобилизацию»), что и привело к роспуску низовых ячеек и переизбранию бюро на I конференции коммунистов-мусульман 27 марта 1919 г. Согласно постановлению I очередного заседания бюро, основными направлениями деятельности были заявлены: формирование низовых ячеек, агитация и распространение идей коммунизма среди мусульманского населения. Новый состав уездной организации во главе с председателем И. Ишмаметовым сразу же включился в работу, направив двух членов бюро в мусульманские села для проведения агитационной кампании по популяризации коллективной обработки земли. Традиционно ориентированная ментальность населения стала первым серьезным препятствием на пути «строительства Новой жизни», не помогали даже призывы к классовой солидарности: «...крестьянская беднота приняла наших командированных тов.[-арищей] очень холодным приемом и категорически отказалась от агитации и т.п., благодаря такому положению вещей не удалось привлечь крестьянскую массу на свою сторону, даже местные коммунисты отмахивались и старались под разными предлогами оставаться на стороне кулаков и несознательных крестьян...» [10, л. 81 – 81 об.]. Кооперативное движение, несмотря на идеологическую подоплеку вопроса (наиболее передовая форма коммунистического воспитания масс), с трудом приживалось в национальных районах. Так, к середине 1920-х гг. в составе Пензенского райсельсоюза из 12 коммун действовала одна – смешанная – Николаевская им. Н. К. Крупской (появилась в 1925 г.), объединившая семь семей (взрослые члены: 15 – представителей мордовской национальности и 2 – русских) [11, л. 49]. В целом на территории Пензенского уезда располагались лишь одно национальное село – Селикса Чемодановской волости с населением до 5000 человек и два хутора – Васильевский и Лопатка с населением около 150 человек. Основное занятие населения – земледелие, но ввиду низкого плодородия почв были развиты и кустарные промыслы: производство валяной обуви. Крестьяне Васильевского хутора осуществляли коллективную машинную обработку земли [11, л. 54]. Для сравнения: в Городищенском уезде в это время действовало шесть потребительских обществ и три сельскохозяйственные артели [11, л. 68 об.].

В Краснослободском уезде из девяти волисполкомов «нацменским» (мордовским) считался только Рыбкинский, объединявший 19 мордовских и восемь русских сельсоветов. В остальных восьми волисполкомах числилось на момент конца 1925 г. 68 мордовских сельсоветов, 25 – татарских и 147 – русских (т.е. из 267 сельсоветов 155 – русские, 87 – мордовские и 25 – татарские) [11, л. 21].

Одним из самых национальных в губернии считался Городищенский уезд, в котором из 56 096 человек населения мордвы-эрзи насчитывалось 54 617, татар – 1479 человек, было создано пять нацменовских волисполкомов, объединивших 50 сельских советов. «Позитивная дискриминация» на этих территориях проявилась в процессе формирования административного кадрового состава, за редким исключением полностью национального, в то время как технические должности (по причине отсутствия квалифицированного персонала из нацмен) были заняты русскими [11, л. 67].

На примере Городищенского уезда можно получить самое масштабное представление о строительстве национальных районов в Пензенской губернии. В материалах делопроизводственной документации фиксируется как идеологические основания необходимых усилий («Нацменнаселение в сравнении с остальным населением беднее и ввиду своей некультурности на обработку земли мало уделяет внимания, в большинстве случаев занимается побочными заработками...»), так и особенности процесса [11, л. 67–69]. Одной из ключевых проблем признавалось отсутствие достаточного количества подготовленных национальных кадров, прежде всего для занятия административных должностей. Особую тревогу вызывала эффективность агитационно-пропагандистской работы среди женского населения национальных районов. Результатами вовлечения женщин в советское строительство в 1925 г. стало участие в перевыборных кампаниях в советы 730 женщин. В итоге оказались избранными в сельсоветы всего лишь 25 женщин; в двух волостных беспартийных конференциях приняли участие 100 женщин; к обучению в ликвидационных пунктах были привлечены 150 женщин. Празднование Международного женского дня в 1925 г. было отмечено проведением собраний женщин в каждом селе (общее количество участниц – до 400 человек). Формирование же партийного актива осуществлялось с трудом: в уезде насчитывалось всего две ячейки РКП(б) в составе девяти членов и 10 кандидатов и девять ячеек комсомольской организации. Добиться поступательного роста партийных ячеек, а также «управиться» со стремительным ростом комсомольцев не представлялось возможным опять же по причине острейшего кадрового голода. То же можно сказать и относительно национальных школ: всего в уезде действовали 21 школа и 20 пунктов по ликвидации неграмотности, однако из учителей лишь восемь человек соответствовали необходимым требованиям («знали быт и язык мордвы»), компетентность же 21 работника подвергалась сомнению. Это осложняло переход на преподавание на родном языке: текущий учебный год был объявлен годом перехода к использованию мордовского языка, но реализовать задуманное не удалось по причине отсутствия подготовленных работников и необходимой учебной литературы.

Регулярно осуществлялся мониторинг выдвижения представителей коренных национальностей на партийные и советские должности. Так, в 1925 г. в Городищенском уезде было учтено работающих: в уездных партийных и советских органах – четыре человека (из них членов партии – 4); в судебных органах – один; административных работников волостного масштаба – шесть человек (из них членов партии – 5); технических работников – 27; работников просвещения, трудившихся в уездном аппарате, в сельских школах и волостных избах-читальнях, – 16 человек; в лесничествах: на должности объездчиков – шесть человек, лесников – 49 человек. В целях решения

кадровой проблемы в начале 1925 г. было направлено 10 человек на полуторамесячные курсы избачей, две женщины – на краткосрочные курсы волорганизаторов, один представитель – на курсы секретарей волостных комитетов РКП(б), два – на курсы начволмилиции и два – на курсы волостных финработников [11, л. 68–69]. При оценке тщетности усилий на этом направлении уездным исполкомом было принято решение срочно осуществить «переброску» всех нацмен работников из упраздняемых волостных исполнительных комитетов во вновь созданные после укрупнения волысполкомы, увеличить школьную сеть и сеть ликпунктов, увеличить количество ячеек РКП(б) и, соответственно, усилить контроль за ростом комсомольских организаций. Как следует заметить, инициатива создания и укрепления национальных волостей исходила от «русских» уездных и губернских властей и к середине 1920-х гг. отнюдь не сбавила своих оборотов.

При этом термин «коренизация» в 1920-х гг. в делопроизводственной документации региональных властей не встречается, хотя такое направление работы, как подготовка национальных кадров, прежде всего для партийного строительства, имело первостепенное значение. Самым скоростным социальным лифтом для национальной молодежи выступало обучение в коммунистических вузах. Действовали специальные квоты на подготовку партийных кадров: местные партийные организации регулярно обращались в АПО ЦК ВКП(б) с просьбой о бронировании мест в комвузах для представителей национальных меньшинств. Так, в 1928 г. партийное руководство Пензенской губернии зарезервировало по одному месту в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (г. Москва), в Ленинградском и Саратовском комвузах, три места в Татарском коммунистическом университете и одно место на курсах уездных работников при ЦК [12, л. 19].

Не носило оскорбительной или уничижительной окраски и понятие «нацмен», которое скорее демонстрировало привилегированное положение «жертв» имперского режима, «тюрьмы народов». Рожденная исключительно в представлениях революционного сознания посылка в зеркальном отражении формировала новую модель социального конструирования, имеющую своей целью создание освобожденной социалистической нации. На первых этапах лежавшая в основе национального строительства в СССР идея федерализации задавала особую логику работы с представителями малых этнических общностей.

Анализ содержания отчетной документации в целом и действовавших схем мониторинга подразделов нацмен позволяет реконструировать восприятие национального строительства в оценках местной партийно-государственной элиты. Важнейшими направлениями работы признавались в первую очередь формирование аппарата нацмен губкома на местах, актива нацмен работников, «выдвижение новых сил»; не менее значимыми представлялись состояние политпросвещения на местах (в отчетной документации требовалось указать количество школ, изб-читален, нардомов, библиотек на родном языке, школ, передвижек, клубов, нацклубов и нацуголков в клубах), а также агитационно-пропагандистская работа среди призываемых и территориальных частей из национальных меньшинств, женщин (собрания делегатов) и молодежи и пр. [11, л. 2].

Подготовка педагогических кадров национальных секций Пензенского педтехникума становится самой массовой формой выдвиженчества, обеспе-

чивая выходцам из самых низов возможность кардинальным образом изменить свой социальный статус. Так, к 1 декабря 1924 г. в мордовской секции педтехникума обучалось более 89 человек, из них крестьянского происхождения – 73 человека [11, л. 16]. При секции действовали опытно-показательная школа из детей мордвы при школе-коммуне и читальня, выписывалось до 20 периодических изданий на трех языках. Коммунистическое воспитание будущих учителей реализовывалось посредством участия в демонстрациях, проведения «общественных революционных празднеств», пения революционных песен, постановки спектаклей и концертных отделений. Однако условия проживания будущих учителей оставляли желать много лучшего. Фиксировались случаи отказа от продолжения обучения из-за недостатка продовольствия, более 20 человек нуждались в обуви, многие – в верхней одежде. В ходе проверки общежития были выявлены большая скученность учащихся, недостаток постельного и носильного белья. Чтобы минимизировать негативные факторы, было решено стипендию учащихся, выделяемую от ГИКа, направить на закупку обуви и одежды нуждающимся [11, л. 16–17].

Важнейшим каналом поступления новой информации, а следовательно, и вовлечения населения в грандиозный социальный проект, становится библиотечная сеть в селах и деревнях региона. Уездные бюро постоянно обращались в губком партии с ходатайствами об «отпуске политической литературы для раздачи партийным библиотекам уезда» [10, л. 84]. Постепенно шло комплектование фондов Пензенской центральной губернской библиотеки национальных меньшинств. К середине 1925 г. общее количество книг на национальных языках составляло уже 4868 экземпляров, в том числе: на татарском языке – 916, на мордовском – 200, еврейских книг – 1750, русских – 1015 [11, л. 1].

Формирование национальных волостей требовало регламентации использования в делопроизводстве местного уровня родного языка. В частности, 16 мая 1928 г. Президиум ГИКа утвердил инструкцию, предусматривавшую ведение документации ВИК на родном языке для Козловской, Чамзинской, Дубенко-Породимовской, Атяшевской волостей Ардатовского уезда и Богдашкинской волости Ульяновского уезда, в случае, если бумаги предназначаются для использования внутри волости: «Всякого рода свидетельства, договора, удостоверения, когда они по своему характеру не выходят за пределы волости в момент их совершения, пишутся на языке большинства (мордовский и чувашский)» и т.д. [12, л. 30].

Формы вовлечения нацменов в массовое социалистическое строительство в конце 1920-х гг. варьировались от организационной (в том числе решение кадрового обеспечения – подготовка советского, судебно-следственного и кооперативного мордовского и татарского активов) до низовой пропагандистской работы (массовая работа по военизации обучения и воспитания, работа кружков, делегатских собраний, радиовещание) [12, л. 32–33].

Апогеем политики «коренизации» в пределах Пензенской губернии становится создание Мордовской автономной области. В течение 1925–1928 гг. на территории Пензенской и ряда соседних губерний было создано до 30 национальных волостей с преимущественно мордовским населением. Следующий этап административной реформы создает Саранский, затем Мордовский округ, который в свою очередь в 1930 г. был преобразован в Мордовскую автономную область (с 1934 г. – МАССР).

Таким образом, несмотря на эволюцию концептуальных основ советской национальной политики в 1920-е – середине 1930-х гг. в российской глубинке последовательно осуществлялся курс «позитивной дискриминации». Объяснить это исключительно инерционностью политики местных властей не представляется возможным. Скорее главным фактором эффективного решения национального вопроса в одном отдельно взятом регионе станет прагматизм в выработке конкретных механизмов и инструментов конструирования модели социально-политического взаимодействия.

Список литературы

1. **Мартьянов, В.** Строительство политической нации и этнонационализм / В. Мартьянов // Логос. – 2006. – № 2 (53). – С. 94–109. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf> (дата обращения: 10.05.2015).
2. **Элпиадис, А.** Украинский кризис глазами грека / А. Элпиадис. – URL: <http://athos.elpiadis.com/istoriya-gretsii/item/34-ukrainskij-krizis-glazami-greka.html> (дата обращения: 10.05.2015).
3. **Сартр, Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 319–344.
4. **Carrere d'Encausse, H.** The End of the Soviet Empire: the Triumph of the Nations / H. Carrere d'Encausse. – N. Y., 1993.
5. **Каррер д'Анкосс, Э.** Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Э. Каррер д'Анкосс. – М. : РОССПЭН, 2007. – 367 с.
6. **Martin, T.** The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 / T. Martin. – Ithaca, 2001.
7. **Мартин, Т.** Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М. : РОССПЭН, 2011. – 855 с.
8. **Карнишина, Н. Г.** Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 22–28.
9. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 102.
10. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 162.
11. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1167.
12. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1735.

References

1. Mart'yanov V. *Logos*. 2006, no. 2 (53), pp. 94–109. Available at: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf> (accessed May 10, 2015).
2. Elpiadis A. *Ukrainskiy krizis glazami greka* [Ukrainian crisis through the eyes of a Greek]. Available at: <http://athos.elpiadis.com/istoriya-gretsii/item/34-ukrainskij-krizis-glazami-greka.html> (accessed May 10, 2015).
3. Sartre Zh.-P. *Sumerki bogov* [Gods' twilight]. Moscow: Politizdat, 1989, pp. 319–344.
4. Carrere d'Encausse H. *The End of the Soviet Empire: the Triumph of the Nations*. New York, 1993.
5. Karrer d'Ankoss E. *EvrAziyskaya imperiya: Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney* [Eurasian empire: History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow: ROSSPEN, 2007, 367 p.
6. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001.
7. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939] Moscow: ROSSPEN, 2011, 855 p.
8. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2011, no. 2, pp. 22–28.

9. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (dalee – GAO)* [State Archive of Penza region (hereinafter referred to as GAO)]. F. 36. Op. 1. D. 102.
10. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 162.
11. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 1167.
12. *GAO*. F. 36. Op. 1. D. 1735.
-

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
истории России, краеведения и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: suhfov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
deputy head of sub-department of Russian
history, local history and history teaching
technique, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.084.5

Сухова, О. А.

Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии? / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 35–45.